

12. Омский политехнический институт // Настольный календарь на 1919 год. Издание Министерства народного просвещения / под ред. М. Н. Пинегина. Томск : Тип. Том. ж. д., 1919.

13. Омский сельскохозяйственный институт // Настольный календарь на 1919 год. Издание Министерства народного просвещения / под ред. М. Н. Пинегина. Томск : Тип. Том. ж. д., 1919.

14. Слияние Омского политехнического и Омского сельскохозяйственного институтов // Русская армия (Омск). 1919. № 100. 15 мая.

15. Сизов С. Г. Омская учительская семинария в 1918–1919 гг.: выживание в условиях безденежья, дровяного кризиса и отъема помещений // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 163–171.

К вопросу о репрессивном характере внутренней политики Российского правительства А. В. Колчака

М. М. Стельмак –

главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны
Исторического архива Омской области,
старший преподаватель кафедры отечественной истории
Омского государственного технического университета,
кандидат исторических наук

***Аннотация.** В статье на основании различных опубликованных источников анализируются репрессивный характер, состояние правоохранительной системы Российского правительства А. В. Колчака. Показаны примеры нарушения, обхода законности и случаи ее применения для наказания политических противников омской власти. В заключение автор делает вывод, что жесткие меры во внутренней политике были характерны антибольшевистским властям в течение всего периода Гражданской войны.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, Белое движение, А. В. Колчак, правоохранительная политика, белый террор, Сибирь.*

To the Question of the Repressive Character of Inner Policy of the Russian Government of A. V. Kolchak

M. M. Stelmak –

Chief Archivist of the Center for the Study of the History
of the Civil War at the Historical Archive of the Omsk Region,
Senior Lecturer of the Department of Domestic History
at the Omsk State Technical University,
Candidate of Historical Sciences

***Annotation.** In the article is analyzed on the basis of various published sources, the repressive nature, the state of the law enforcement system of the Russian government A. V. Kolchak. Examples of violations, non-compliance with the law and its application for punishing political opponents of Omsk authorities are shown. In conclusion, the author concludes that harsh measures in domestic policy were characteristic of the anti-bolshevik authorities throughout the Civil War.*

***Keywords:** Civil War, White movement, A. V. Kolchak, law enforcement policy, white terror, Siberia.*

На протяжении последнего столетия было опубликовано немало различных работ, затрагивающих крайне сложную тему правонарушений и незаконности на территориях бывшей Российской империи в годы Гражданской войны. Данные явления нельзя рассматривать как результат чьей-то злой воли. Во многом это было обусловлено наличием множества нерешенных проблем в дореволюционном обществе [1, с. 6–178]. В итоге проблемы были обострены в Первую мировую войну, что уже в 1916 г. вызвало постоянное нарастание морального кризиса в армии [2, с. 717]. Неоптимистичную ситуацию в стране накануне революции были вынуждены констатировать даже «глаза и уши империи» – сотрудники жандармерии [3; 4, с. 9].

Во многом в этих явлениях крылись корни последующего террора, использовавшегося всеми сторонами в Гражданской войне.

Тем не менее в массовом сознании существует немало мифов о военно-революционном периоде 1914–1922 гг. [5]. В предыдущие три десятилетия во многих умах сформировалась мысль, что в системе антибольшевистских политических режимов различные нарушения законности являлись, по сути, лишь незначительными и немногочисленными инцидентами. В качестве примера практики разного народа нарушений в данной статье приводится деятельность Российского правительства А. В. Колчака.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске подверглись аресту ведущие политические деятели Временного Всероссийского правительства (Директории). Вооруженные отряды под командованием казачьих офицеров И. Н. Красильникова, А. В. Катанаева и В. И. Волкова арестовали главу Директории Н. Д. Авксентьева, члена Директории В. М. Зензинова, товарища (заместителя) министра внутренних дел Е. Ф. Роговского, члена Директории А. А. Аргунова [6, с. 495]. Через несколько дней эти лица были высланы за границу. Н. Д. Авксентьеву предъявили необоснованное, не подтвержденное никакими уликами обвинение, что он якобы получил от большевиков 200 млн руб. для большевистской пропаганды в армии [7, с. 73]. Сам А. В. Колчак в одном из писем своей жене Софье с сожалением писал, что только защита иностранных миссий спасла членов Директории [8, с. 130].

18 ноября 1918 г. Совет Министров постановил «передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя» [9, с. 343]. 19 ноября 1918 г. было образовано Российское правительство А. В. Колчака. Акты, которые были приняты после переворота, выглядели противоречиво. Вся власть была в руках А. В. Колчака как военного диктатора, но при этом источником власти становился передавший ее Совет Министров. Следовательно, он разделял с военным диктатором ответственность [10, с. 77].

В положении о временном устройстве государственной власти в России, утвержденном Советом Министров 18 ноября 1918 г., говорилось, что Верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности [11, с. 325].

А. В. Колчак был в курсе планируемого переворота. 13 ноября 1918 г. он и командующий Сибирской армией чехословацкий генерал-майор Р. Гайда обсуждали подробности свержения Директории [12, с. 53]. С 4 по 17 ноября 1918 г. А. В. Колчак занимал должность военного и морского министра Директории. Тем не менее за указанный период он ничего не сделал для укрепления Вооруженных Сил Временного Всероссийского правительства. Его целью была подготовка заговора против Директории [13, с. 48]. Приняв участие в заговоре против правительства, в котором он являлся министром, А. В. Колчак совершил государственное преступление. По действовавшему законодательству за подобное деяние – измену – полагалась смертная казнь [12, с. 58, 61].

А. В. Колчак предпринял тактический ход, чтобы сгладить впечатление в общественном мнении от военного переворота. Исполнители данной акции – И. Н. Красильников, А. В. Катанаев и В. И. Волков – были отданы под суд через 3 дня после свержения Директории. Военный суд оправдал всех троих обвиняемых, и А. В. Колчак утвердил этот приговор. Казачьи офицеры после суда были переведены из Омска и вскоре повышены в чинах в знак благодарности за помощь в приходе А. В. Колчака к власти [10, с. 80].

Большинство членов кадетской партии поддержали приход А. В. Колчака к власти. Председатель Восточного отдела ЦК партии кадетов, один из главных организаторов военного переворота В. Н. Пепеляев, впоследствии – министр внутренних дел, выступая 5 декабря 1918 г. перед соратниками по партии, заявил: «Мы ответственны (и особенно я) за переворот, и наш долг укрепить власть. Поэтому должно брать самые ответственные посты даже с риском погибнуть» [14, с. 218]. За поддержку диктатуры выступали и политические деятели, находившиеся на юге России, в том числе и А. А. Червен-Водали [14, с. 219]. Впрочем, даже В. Н. Пепеляев был крайне недоволен спектаклем в виде суда над И. Н. Красильниковым, А. В. Катанаевым и В. И. Волковым, записав о нем в дневнике: «Было бы лучше, если бы его совсем не было» [15, с. 62].

Сменивший В. Н. Пепеляева на посту председателя Восточного отдела ЦК партии кадетов А. К. Клафтон также выражал поддержку Российскому правительству А. В. Колчака. На 3-й Восточной конференции кадетской партии им было сказано: «Мы стали партией

государственного переворота, благотворное значение которого только теперь начинают понимать западные демократии. Мы приняли на себя всю политическую ответственность... Партия отдала все силы... на прямую службу правительству... Правительственный аппарат захватил в свою систему все большее число партийных деятелей... Мы были первыми друзьями власти» [14, с. 220–221]. Далее А. К. Клафтон провозгласил А. В. Колчака национальным вождем и призвал «отдать власти, что мы можем – жизнь, труд и состояние свое... объединиться вокруг Верховного правителя» [14, с. 221].

В ноябре 1918 г. Российское правительство А. В. Колчака начинает борьбу с попытками противодействия осуществлению власти. 30 ноября 1918 г. А. В. Колчак издает приказ об аресте не сложивших полномочий бывших членов Самарского комитета членов Учредительного собрания, уполномоченных ведомствами бывшего Самарского правительства [16, с. 273]. В своих заявлениях, интервью отечественной и зарубежной прессе А. В. Колчак постоянно подчеркивал, что его политический курс не будет иметь ничего общего с реакцией. Было заявлено, что одной из его главных целей после прихода к власти является обеспечение законности и правопорядка, чтобы население могло беспрепятственно избрать себе образ правления, который пожелает [17, с. 11].

Но на практике данные заявления соблюдались не всегда. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке против политики Российского правительства А. В. Колчака в ноябре 1918 – марте 1919 гг. прошли разнообразные акции протеста, подавленные властями. 30 ноября 1918 г. Совет Министров Российского правительства принял ряд поправок к «Уложению о наказаниях», значительно ужесточивших наказания в первую очередь за государственные преступления. Виновные в посягательстве на жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность Верховного правителя А. В. Колчака, или на насильственное лишение его или Совета Министров власти, им принадлежавшей, или на воспрепятствование осуществлению таковой наказывались смертной казнью. Виновные в оскорблении Верховного правителя А. В. Колчака на словах, в письме или печати подлежали наказанию в виде заключения в тюрьме. Данные преступные деяния подлежали (временно) рассмотрению (по принадлежности) в военно-окружных или военно-полевых судах [18, с. 87, 94].

В декабре 1918 г. Совет Министров принял дополнения к статьям 99 и 100 дореволюционного Уголовного уложения, предусматривавшие наказания вплоть до смертной казни «за воспрепятствование к осуществлению власти». Данную формулировку можно было трактовать довольно широко, чем часто пользовались военно-полевые суды [10, с. 185]. В период правления А. В. Колчака сокращалась численность профсоюзов из-за преследования властями по обвинениям в антиправительственной деятельности, причастности к забастовкам и восстаниям [10, с. 164].

Не допускалось никакой критики в адрес Верховного правителя. Критика Российского правительства А. В. Колчака допускалась, но следовало соблюдать определенные рамки. За систематические нападки на свою деятельность правительством был закрыт ряд сибирских газет. Не допускалась на практике критика высшего военного командования и Белой армии в целом [19, с. 109]. В начале декабря 1918 г. под предлогом близости фронта были закрыты все газеты в Уфе. Вскоре после переворота Омским правительством были изданы приказы, по сути узаконившие институт военной цензуры и наделившие штаб широкими полномочиями в деле контроля над прессой [20, с. 162].

В ночь с 21 на 22 декабря 1918 г. в Омске произошло восстание против Российского правительства А. В. Колчака. Оно было подавлено. В ходе восстания, по официальным данным, было убито 247 человек, затем расстреляно по приговору военно-полевого суда 117 человек. Согласно воспоминаниям о событиях в ходе подавления восстания погибло около 1000 человек [21, с. 50]. О тысяче убитых писал и сторонник А. В. Колчака начальник британского экспедиционного отряда полковник Д. Уорд [22, с. 102]. Во время восстания была захвачена Омская областная тюрьма, из которой были выпущены политические заключенные. 22 декабря 1918 г. издан приказ начальника гарнизона города Омска генерал-майора В. В. Бржезовского, согласно которому все незаконно освобожденные были обязаны явиться к караульному начальнику областной тюрьмы, коменданту города или в участки милиции. Всех неявившихся и задержанных после этого бежавших арестованных было приказано расстреливать на месте [16, с. 277].

Несколько освобожденных политических заключенных вернулись в тюрьму. В ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. в тюрьму пришел

военный отряд и забрал 10 социалистов-революционеров и социал-демократов из числа добровольно вернувшихся в тюрьму. Они (в том числе 7 членов Учредительного собрания) были расстреляны военными на берегу реки без суда [23, с. 152–153]. Попытки офицеров забрать из тюрьмы деятелей Учредительного собрания имели место и до декабрьского восстания [24, с. 211]. Назначенная А. В. Колчаком в январе 1919 г. комиссия для выяснения обстоятельств данного расстрела работала до конца июня 1919 г., но свела на нет все следствие. Никто из участников данной акции в итоге не был наказан [25, с. 165–168].

Важно отметить, что Российское правительство А. В. Колчака оказалось не в силах противодействовать политическому режиму атамана Г. М. Семёнова. Осенью 1918 г. Г. М. Семёнов на войсковых казачьих кругах был избран войсковым атаманом Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачеств и стал командовать отдельной Восточно-Сибирской армией. На территории, подконтрольной Г. М. Семёнову, войсками неоднократно применялся белый террор против местного населения. Кроме этого, Г. М. Семёнов в конце 1918 – весной 1919 г. предпринимал попытки создать в Забайкалье свое сепаратистское объединение. Несмотря на попытки воздействия со стороны Российского правительства А. В. Колчака на действия Г. М. Семёнова, его политика не подверглась изменениям. В итоге приказом от 25 мая 1919 г. № 136 Верховный правитель А. В. Колчак отменил предыдущие распоряжения по ограничению деятельности Г. М. Семёнова. Приказ фактически означал капитуляцию Российского правительства А. В. Колчака перед действиями Г. М. Семёнова [26, с. 182].

За период существования Российского правительства А. В. Колчака его юстиция так и не успела дать точное юридическое толкование термина «принадлежность к большевизму», по обвинению в которой арестовывались тысячи людей, поневоле работавших при советской власти. Приказ Верховного правителя А. В. Колчака по армии от 14 мая 1919 г. гласил: «Лиц, добровольно служащих на стороне красных... во время ведения операций... в плен не брать и расстреливать на месте без суда; при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду» [14, с. 264]. По свидетельству управляющего Советом Министров Российского правительства Г. К. Гинса, уже в апреле 1919 г. население городов стало заражаться

враждебным настроением. Сильная цензура, власть военных, аресты, расстрелы, по воспоминаниям Г. К. Гинса, разочаровали даже умеренную демократию, ранее поддерживавшую А. В. Колчака [27, с. 312]. Судя по всему, осталась без последствий высказанная в августе 1919 г. просьба Г. К. Гинса передавать милиционеров, винных в беззаконии, военно-полевым судам. По его воспоминаниям, министр внутренних дел В. Н. Пепеляев сильно обиделся на данное предложение [28, с. 189]. Управляющий Министерством иностранных дел И. И. Сукин указывал: «В силу своих симпатий к военным и готовности признавать их аргумент “целесообразности”, которым он заменял начало “законности”, Пепеляев зачастую допускал введение военного положения там, где можно было бы без него обойтись. Это была коренная ошибка нашей внутренней политики, за которую пришлось дорого расплатиться» [29, с. 431].

На жестокость террора, применявшегося всеми противоборствующими сторонами Гражданской войны в России, оказали влияние многие факторы. Корни ожесточения лежат довольно глубоко, начиная с неудачных и незаконченных реформ второй половины XIX – начала XX в., неспособности российских властей извлечь урок из событий 1905–1907 гг. В итоге с началом Гражданской войны к крайним средствам стали прибегать все участники конфликта. Смертную казнь применял в первые месяцы 1918 г. и Л. Г. Корнилов [30, с. 416]. В это же время на Кубани жестоко действовал полковник В. Л. Покровский, практикуя бессудные убийства арестованных «при попытке к бегству» [31, с. 102]. В Сибири жесткие меры применялись и до появления на политическом горизонте фигуры А. В. Колчака. Как отмечает новосибирский историк В. И. Шишкин, управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства, командующий Сибирской армией генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов видел болевые точки растущего военного организма и даже пытался на них воздействовать. Но одновременно имели место и другие тенденции: «В то же время он явно закрывал глаза на нарушения законности, произвол и бесчинства, которые творили военные, особенно начальники гарнизонов и командный состав действующих отрядов, по отношению к населению, периодической печати и гражданским властям» [32, с. 151–152]. 2 августа 1918 г. А. Н. Гришин-Алмазов даже издал приказ № 43, в котором

требовал от начальников частей в борьбе с врагами быть инициативными, настойчивыми и беспощадными, «не боясь ответственности за превышение власти» [32, с. 171]. В приказе был пространственный перечень врагов и преступных деяний, за которые необходимо было «бестрепетно и беспощадно стрелять на месте». Приказ заканчивался следующими словами: «Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково дороги и законны и что победителя вообще не осудят любящие родную землю современники и благоразумные потомки». Даже в письмах, адресованных жене осенью 1918 г., А. Н. Гришин-Алмазов показывал себя сторонником твердого правого курса [33, с. 1065].

Многие представители генералитета и офицерства летом 1918 г. были вызваны в принудительном порядке на службу под угрозой суда в случае отказа. На это указывали офицеры Белой армии А. В. Беклемишев, А. М. Поспеев, Н. Д. Павлов, Н. Н. Артамонов, Н. И. Рогозин [34, с. 280; 35, с. 388; 36, с. 131; 37, с. 282; 38, с. 120]. Атаман Оренбургского казачьего войска А. И. Дутов летом 1918 г. в Омске в интервью газете признался, что недавно по его приказу было расстреляно 200 казаков за отказ выступить активно против большевиков [39, с. 196]. Не лучше обстояла ситуация на Дальнем Востоке. 25 марта 1919 г. в газете «Амурское эхо» сообщалось, что недавно японцами и казаками были подвергнуты обстрелу и сожжены деревня Андреевка и села Тамбовка и Ивановка в Амурской области. В данной газете было опубликовано обещание японского командования, что оно и «впредь будет поступать так же беспощадно с теми деревнями, кои окажут гостеприимство и сочувствие большевикам, а не выдадут их или сами не арестуют» [40, с. 222]. Командующий Приамурским военным округом генерал-майор П. П. Иванов-Ринов 3 мая 1919 г. отдал приказ о расстреле большевистских активистов и разорении их домов. Кроме этого, приказ требовал брать заложников из числа сочувствующих большевикам [41, с. 52]. Далеко не всегда антибольшевистские власти применяли наказание в отношении офицеров за различные проступки, включая и пьяный дебош. Так, в начале июня 1919 г. после ареста офицеров-дебоширов начальник Миасского гарнизона, во избежание эксцессов, не отдал их под суд, а отправил обратно в их части [42, с. 333].

Таким образом, жесткие меры во внутренней политике были свойственны антибольшевистскому движению в течение всего периода Гражданской войны. Подобный политический курс продолжало и Российское правительство А. В. Колчака, являвшееся классической военной диктатурой. Сам Верховный правитель, несмотря на частые заверения в приверженности демократии, презрительно относился к данной форме правления, считая ее неприемлемой. Хотя 29 января 1919 г. А. В. Колчак в речи перед принесением присяги на верность Российскому государству говорил о важности восстановления правового государства, несмотря на стихию войны [43, с. 300].

Обещания законности и порядка на подконтрольной территории были крайне далеки от действительности. Как считает канадский историк Н. Перейра, А. В. Колчак больше говорил о порядке и законности, чем добивался их на практике [44, с. 53]. Власть после переворота 18 ноября 1918 г. все больше сосредотачивалась в руках консервативно настроенных военных, предпочитавших успокаивать приемлемыми для них средствами. Для многих военных чинов антибольшевистского движения было свойственно непонимание социальной природы, сути и, главное, причин революции и Гражданской войны. Поэтому необходимо изучать проблему применения насилия в Гражданской войне со всех сторон, анализировать и красный, и белый террор. В современных художественных фильмах и книгах причиной краха Белого движения часто выставляют якобы их очень мягкую политику. В реальности Российское правительство А. В. Колчака потерпело поражение по многим причинам. Как отмечает новосибирский историк В. М. Рынков, Сибирская антибольшевистская власть не смогла создать сильного государственного аппарата, способного управлять хозяйственным механизмом [45, с. 351]. В итоге большевики оказались лучшими организаторами по сравнению со старым офицерством, которому традиционно были присущи отсутствие инициативы, инертность и следование шаблонам [46, с. 12]. Как справедливо заметил В. И. Шишкин, «очевидно, что установление военной диктатуры не может быть панацеей, гарантирующей ее авторам и носителям желаемый результат, тем более в условиях Гражданской войны, когда различные части общества с оружием в руках борются друг против друга» [47, с. 12]. В Белой армии, в отличие от Рабоче-Крестьянской Красной Армии, не было произ-

ведено попыток сломить преграды между солдатами и командным составом [48, с. 188]. Жесткие меры в политической сфере не приносили желаемого результата, тем более когда имелись довольно серьезные проблемы в устройстве тыла.

Список источников и литературы

1. Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М. : Родина МЕДИА, 2014. 452 с.
2. Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М. : Новый хронограф, 2014. 740 с.
3. Бакшт Д. А., Катцина Т. А. «Власть атрофирована, а мы находимся на краю бездны». О состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П. П. Заварзина. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 33–56.
4. Нефедов С. А. Неизвестная Февральская революция (часть 1) // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 7–21.
5. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового самосознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. № 3. 2018. С. 9–15.
6. Кокоулин В. Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с.
7. Аракелова М. П., Городницкий Р. А. Николай Дмитриевич Авксентьев: министр, партийный лидер, человек // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2005. № 1. С. 66–77.
8. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920. М. : Центрполиграф, 2006. 272 с.
9. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 19 ноября 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.
10. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. 269 с.
11. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М. : Центрполиграф, 2002. 702 с.
12. Шишкин В. И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–62.

13. Шишкин В. И. Военный и морской министр вице-адмирал А. В. Колчак // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 45–48.
14. Хандорин В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 368 с.
15. Пепеляев В. Н. Дневник В. Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы. М. : Аграф, 2007. С. 43–108.
16. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918) / сост. В. В. Максаков, А. Н. Турунов. М. : Л. : Гос. изд-во, 1926. 300 с.
17. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске, 18 ноября 1918 г. : сб. документов. Париж : [EditionetlibrarieRusse], 1919. 193 с.
18. Штырбул А. А. Покушение на Колчака: историческое исследование. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. 392 с.
19. Хандорин В. Г. Роль либеральной и социалистической прессы в Сибири при диктатуре А. В. Колчака // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 109–112.
20. Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов всерос. молодеж. науч. школы-конф. Новосибирск, 2017. С. 157–166.
21. Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М. : Отечество, 1994. 320 с.
22. Урд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Урда. М. : П., 1923. 172 с.
23. Штырбул А. А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование с приложением самого полного собрания произведений Ю. Сопова. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. 284 с.
24. Шишкин В. И. «Человеческий документ» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / Мин-во культуры Ом. обл. ; ОГИК музеей ; науч. ред.: П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. Омск, 2006. С. 210–224.
25. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. : Мысль, 1983. 294 с.
26. Лившиц С. Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семёнов (к истории «семёновского инцидента») // Из истории интервен-

ции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : Наука, 1985. С. 176–184.

27. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : Айрис-пресс, 2013. 672 с. + вкл. 24 с.

28. Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала в Сибири в начале XX века : моногр. / Юргин. технол. ин-т. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. 342 с.

29. Сукин И. И. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. М. : Аграф, 2005. С. 325–510.

30. Хаджиев Р. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М. : Вече, 2014. 480 с.

31. Пученков А. С. Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 – март 1918 г.): к истории отряда генерала В. Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 98–111.

32. Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919) : сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195.

33. Пученков А. С., Сушко А. В., Петин Д. И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 1058–1073.

34. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266–299.

35. Петин Д. И. Генерал-майор А. М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 386–396.

36. Блинова О. В., Петин Д. И. Генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): штрихи к историческому портрету // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 127–137.

37. Каминский В. В., Петин Д. И. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.

38. Петин Д. И. Николай Рогозин: офицер-деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.

39. Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 623 с.

40. Конев К. А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.

41. Бучко Н. П. Политическая практика Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2-2. С. 51–55.

42. Вебер М. И. «С болью в сердце вынужден донести Вам о невозможном поведении гг. офицеров»: рапорт начальника милиции Верхотурского уезда Екатеринбургской губернии // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 328–336.

43. Цветков В. Ж. Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918–1920 гг. // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 294–307.

44. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. 352 с.

45. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. 428 с.

46. Ганин А. В. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...» // Родина. 2011. № 2. С. 12–27.

47. Шишкин В. И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «белой» Сибири : тез. второй науч. конф. (4–5 февр. 1997 г.). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. С. 7–12.

48. Вебер М. И. «Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой»: письмо священника Бориса Серебрякова // Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 187–196.